

О народных художественных промыслах в Свердловской области : закон Свердловской области от 15.07.2013 № 77-ОЗ [Электронный ресурс] // Техэксперт. URL: <http://docs.cnetd.ru/docume№t/453128796> (дата обращения: 05.05.2018).

О Положении о Молодежном парламенте Свердловской области : пост. Законодательного собрания Свердловской области от 18.12.2018 № 1668-ПЗС // Офис. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publicatio№.pravo.gov.ru/Docume№t/View/6600201812190003> (дата обращения: 09.03.2019).

Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Новые молодежные движения и солидарности России. Ульяновск : Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2011.

О работе за период с 19 марта 2014 г. по 20 марта 2015 г. : отчет Молодежного парламента Свердловской области // Архив К. Д. Купорез.

Полухтов К. В. Интервью К. Д. Купорез с заместителем Председателя МП СО от 25.02. 2019 г. [Текст стенограммы]. Публикуется с согласия К. В. Полухтова.

Ратникова Г. А. Порядок формирования молодежных парламентских структур в Российской Федерации // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 49–59.

Стенограмма четвертого заседания Молодежного парламента Свердловской области (13 марта 2019 г.) // Архив К. Д. Купорез.

Тимофеева Л. Н. Политическая социализация молодежи: вчера и сегодня // Молодежь вчера, сегодня, завтра : тез. докл. науч.-практ. конф. М. : Проспект. 2010. С. 53–70.

Центр развития молодежного парламентаризма в РФ : [сайт]. URL: <http://x№--80aarwddikkz.x№--p1ai/ce№tr.htm> (дата обращения: 03.03.2019).

Чертков А. Н., Артамонова Н. В. Региональный опыт функционирования «Молодежного парламентаризма» как механизма развития правовой культуры российских избирателей // Журнал российского права. 2008. № 1(133). С. 52–61.

УДК 94(47)+930.85

П. А. Сперанский

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕХОДА ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНУ В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ

В статье рассмотрены базовые положения теории модернизации и проведен историографический анализ основных точек зрения западной исторической науки относительно процессов модернизации в России. Показано существование различных подходов к использованию теории модернизации при изучении российской истории. Сделаны выводы о том, что хотя у каждого иностранного историка имеется своя собственная интерпретационная модель, объясняющая тенденции российских модернизационных трансформаций, все они признают дуалистичность происшедшего в России исторического процесса и осуществление в нашей стране запоздалого, консервативно-охранительного противоречивого перехода от традиции к модерну.

Ключевые слова: Россия, историография, теория модернизации, интерпретационная модель.

Теория модернизации как теоретико-методологический конструкт

Начиная со второй половины XX в., особое внимание многих западных исследователей начинает привлекать изучение процессов крупномасштабных исторических изменений, составляющих наиболее значительные этапы движения истории человечества. Одним из таких всеобъемлющих исторических процессов, последствия которого стали неосцимемо важными для развития всего человеческого социума, стал процесс модернизации.

Методологический фундамент теории модернизации был заложен западной, прежде всего американской историософской мыслью, на рубеже 1950–1960-х гг. Разработчики данного направления, базирясь в первую очередь на теоретических основах эволюционизма и структурного функционализма, обозначили в качестве некоей аксиомы дуацикличность исторического процесса. Всемирная история разбивалась адептами теории модернизации на два цикла: традиционное (аграрное) и современное (индустриальное) общества. Переход от одного цикла к другому и является по сути модернизацией, которая видится историкам – сторонникам модернизационного подхода неким глобальным процессом, вовлекающим в действие своих механизмов абсолютно все общества человеческой ойкумены [см.: Сперанский, 2011, с. 59]. Таким образом, процесс модернизационных изменений оказывает в той или иной мере непосредственное влияние на все общественные структуры, будь то отдельный социальный институт, группа населения или целый общественный слой.

Модернизационные трансформации трактуются большинством исследователей как некое протяженное во времени и пространстве всеохватывающее дихотомическое движение, связанное с внедрением в различные сферы жизни социума определенных новаций. Эти новации, в свою очередь, влияют на развитие в обществе таких явлений, как индустриализация, урбанизация, коммерциализация, секуляризация, ведут за собой повышение уровня образования общества, увеличивают его мобильность. Подобная модель комплексной модернизации, протекавшей в высокоразвитых западных странах так называемого ядра модернизационного процесса, получила название «линейной». В отстающих и менее развитых странах так называемой периферии проходит частичная модернизация, когда общество в силу определенных имманентных причин может или «застревать» на определенной стадии своего развития или же вести очень непоследовательное и фрагментарное движение по пути к модерности. Такой вариант модернизационного развития в литературе получил название «парциального».

Модернизационная парадигма российской истории в интерпретациях западной историософии

Большинство адептов модернизационной парадигмы рассматривают процесс перехода человеческой цивилизации от традиционного к современному обществу на интегративной основе, пытаясь осмыслить все стороны этой глобальной эволюции. Пример российской национальной истории всегда находился в поле зрения сторонников модернизационной парадигмы и проблема российских модернизационных преобразований неоднократно поднималась в работах ряда выдающихся западных исследователей [см.: Гершенкрон; Black; Moore; Therborn].

В этой связи весьма интересными представляются взгляды на российское модернизационное развитие одного из отцов-основателей теории модернизации, представителя школы «классической модернизации» – известного американского историка и социолога С. Блэка. В своем фундаментальном труде «Динамика модернизации: сравнительное исследование истории» он выделил основные критерии модернизационного перехода, определяющие специфику участвующих в нем стран. Среди них он называет несколько, по его мнению, наиболее значительных: 1) длительность модернизационного перехода; 2) соотношение эндогенных (внутренних) и экзогенных (внешних) переменных; 3) линейность (комплексность) или парциальность (частичность) характера модернизации. Применяя указанные критерии к конкретно-историческим примерам модернизационного развития различных обществ, Блэк и его последователи выделили семь типов политической модернизации, от стран ранней самостоятельной стабильной и непрерывной модернизации, к которым были отнесены Англия и Франция, до обществ, ореол обитания которых локализован к югу от Сахары. Отличительной чертой последних, как считает американский ученый, является крайне низкий уровень цивилизационного развития и отсутствие прочного культурного базиса, что априори определило исключительное влияние экзогенного фактора на их развитие [см.: Black, p. 96–128].

Россия, наряду с такими «периферийными» социумами как японский, китайский, турецкий и иранский, была отнесена Блэком к пятому типу модернизационного перехода. По мнению исследователя, Россия, вместе с перечисленными выше странами, никогда не входила в когорту лидеров модернизационного процесса, но смогла сохранить свой политический суверенитет, базируясь на основе эффективного функционирования традиционалистских правительств, опиравшихся на длительный опыт бюрократического централизо-

ванного управления и относительную стабильность территориально-демографического фактора. Модернизация в России базировалась в основном на эндогенной основе и проходила под эгидой национальных традиционалистских элит. С точки зрения американского автора, это обуславливало невысокие темпы модернизационного процесса в нашей стране, протекавшего под большим западным влиянием [см.: Black, p. 96–28; Побережников, 2015, с. 207–209].

Интересный подход к проблемам российских модернизаций содержится в труде американского историка экономики А. Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе». В данной работе Гершенкрон создает собственную типологию модернизирующихся обществ и выделяет три основных эшелона развития мирового капитализма. К первому эшелону он ожидаемо относит наиболее развитые страны Западной Европы и Северной Америки, а Россия, вместе со странами Восточной Европы, Турцией и Японией, с точки зрения исследователя, составляют лишь второй эшелон капиталистического развития. Гершенкрон уверен, что в связи с рядом исторических особенностей данные страны оказались в роли отстающих и вынуждены были, используя так называемые преимущества экономической отсталости, форсированными темпами догонять ушедших вперед лидеров. По мнению ученого, в странах второго модернизационного типа в развитии экономических отношений исключительная роль принадлежала государству. Рыночная же экономика получила в них развитие только благодаря экзогенному воздействию стран западной цивилизации, занявших к этому времени ведущее положение в мире [см.: Побережников, 2015, с. 206–207].

А. Гершенкрон делает интересное предположение о возможности замещения недостающих предпосылок модернизации в странах второго эшелона искусственными заменителями. В частности, объясняя индустриальный рост, имевший место в ряде «периферийных» стран в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора и при нехватке протоиндустриальных накоплений, Гершенкрон указывает на значительную роль «субинститутов», заменявших недостающие звенья модернизационной цепи. По его мнению, в России основным заменителем недостающих предпосылок индустриального развития стало государство, являвшееся главным и ведущим актором российских модернизаций [см.: Гершенкрон, с. 74–78].

Однако гиперболизированное участие государства в процессе модернизации объяснялась Гершенкроном исключительным желанием властных элит России развивать военно-техническую сферу, преследуя преимущественно военные цели. Американский историк отмечает, что при возрастании военных нужд экономическое развитие страны ускорилось, а при их сокращении темпы экономического

роста падали. При каждом таком новом «рывке» государство усиливало эксплуатацию населения, и тяжелое бремя по обеспечению экономического роста ложилось на плечи простых подданных. Правительственный гнет в стране достигал огромных масштабов, население оказывалось неспособным выполнять все поставленные перед ним задачи, вследствие чего короткие периоды форсированного экономического развития сменялись длительными периодами стагнации [Там же, с. 74–75].

Другой американский исследователь, Б. Мур, в работе «Социальные истоки диктатуры и демократии», анализируя модернизационные трансформации, проходившие в разных странах, акцентирует внимание на лидерстве конкретных социальных страт в процессе модернизации и формировании ими альянсов для успешного продвижения вперед того или иного общества. основополагающим элементом его теории представляется наличие сотрудничества или противоборства между различными социальными группами, которое проявляется в ходе модернизационных преобразований. По мнению автора, социальный статус сотрудничающих групп и степень их взаимодействия во многом определяют характер модернизационного развития. В качестве основных акторов модернизации Б. Мур выделяет буржуазию, крестьянство, дворянство и монарха, которые вступают между собой в различные коллаборации.

Стоит отметить, что концепция Б. Мура в корне отличается от научных построений многих его коллег, которые в большинстве своем считают российские модернизации продуктом деятельности исключительно государственных элит и говорят об исключительно «верхушечном» характере российских преобразований. В отношении российского общества исследователь приходит к выводу, что траектория его перехода от традиционного уклада к современному во многом была задана лидирующей ролью самой многочисленной социальной страты аграрной России – крестьянства, которое и было основной движущей силой модернизации [см.: Моог; Побережников, 2011, с. 229].

Определенный интерес для понимания сути модернизационных преобразований в России представляют исследования шведского ученого Г. Терборна. Выделяя четыре «двери» или «пути в / через модернизацию», он отмечает, что к началу модернизационных изменений импульс может иметь только две природы – эндогенную и экзогенную. По его мнению, Россия прошла путь через модернизацию, навязанную извне. Ввиду запоздалого и догоняющего характера модернизации, она проходила стадии своего развития исключительно под влиянием стран Запада, относительно вестернизируясь. То есть Терборн, как и большинство западных адептов модернизационной теории, высказывается за экзогенную природу трансформаций, кото-

рые претерпевала Россия на протяжении XVIII–XX вв. [см.: Therborn, p. 5–7 ; Побережников, 2015, с. 203–204].

Заключение

Таким образом, по-разному понимая сущность российского модернизационного движения, его периодизацию, значение и перспективы, представители западной модернизационной историософии, признают дуацикличность происходившего в России исторического процесса в процессе перехода от традиционного к современному обществу. Россия относится зарубежными исследователями к группе стран, переживавших вторичную модернизацию, для которых характерны большое влияние экзогенного (внешнего) фактора и одновременное протекание процессов модернизации и вестернизации; крепость эндогенной традиционалистской основы, отторгавшей привнесенные «извне» инновации, парциальный (частичный, прерывный) характер модернизационного процесса, а также «консервативный», или «охранительный», тип модернизационных преобразований.

Подобная модернизационная «консервативность» заключалась, по мнению западных ученых, в том, что модернизационные процессы, проходившие еще в условиях имперского строя, практически не затронули аграрный сектор, и большая часть населения страны продолжала жить в условиях патриархального социокультурного уклада и традиционализма. Элита традиционного общества, представленная в России дворянским сословием, сохранила все свои привилегии, и более того, именно она возглавила модернизационный переход, объективно отстаивая в нем свои интересы, что шло вразрез с европейском модернизационным опытом. Подобные явления наблюдались и в других традиционалистских странах, относимых ко вторичным эшелонам модернизации, будь то Япония, Китай, Иран или Турция [Сперанский, 2012, с. 29–30].

Важнейшим модернизационным импульсом в России в ее имперский период развития, по мнению западных исследователей, стали петровские преобразования и «Великие реформы» второй трети XIX в. Проведенные «сверху», они на некоторое время сохранили укоренившиеся за несколько веков ведущие позиции российской традиционалистской элиты в процессе новых социальных трансформаций, однако в 1917 г. Россия пережила переломный момент, определивший ход ее дальнейшего исторического развития, когда традиционная элита вместе с самодержавием, не выдержав революционного напора, уступила свое место большевистскому режиму в авангарде продолжающейся модернизации [Там же, с. 30].

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М. : Издательский дом «ДЕЛО», 2015.

Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Побережников И. В. Парадигма модернизации в историческом исследовании // Урал в модернизационной динамике XX века. Екатеринбург : Изд. дом «СОКРАТ», 2015. С. 197–214.

Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4. С. 217–245.

Сперанский А. В. Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург : БКИ, 2012. С. 27–39.

Сперанский А. В. Россия и модернизация: историософский аспект проблемы // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург : УРО РАН, 2011. С. 58–70.

Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y. : Harper Colophon Books, 1975.

Moore B. Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.

Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London ; New Delhi, 1995.